
Зарубин

Пока Игорь Андреевич болел дома, кто-то его навещал? — продолжал спрашивать Дзюба. — Кто-то помогал ему в бытовом плане? А в медицинском? Домработница? Сиделка? Может быть, друзья и бывшие коллеги? Не удивляйтесь, мы спрашиваем об этом, чтобы понимать, кто мог иметь доступ к его материалам и наработкам.

Наталья отвечала без особого желания, но, как показалось Зарубину, добросовестно. То и дело морщила лоб, что-то вспоминая, иногда поправляла сама себя. Да, домработница была, сначала приходила два раза в неделю делать уборку, потому что Игорь еще мог сам дойти до магазина, купить продукты и что-то приготовить себе, потом, когда он значительно ослабел и появились сильные боли, стала работать каждый день. За два месяца до смерти пришлось нанять и сиделку. Еще была медсестра, Инга, ставила капельницы, делала уколы и какой-то специальный массаж для снятия болевого синдрома. Конечно, все их контакты у Натальи есть, потому что именно она им платила. Точнее, ее муж. Он давал деньги, а Наталья переводила всем на карты. И перезванивалась с ними

периодически, узнавала, как дела у Игоря, как он себя чувствует.

Со слов бывшей жены выходило, что Игоря Андреевича мало кто навещал, визиты гостей с самого начала были редкими, а к концу жизни больного сошли на нет. Когда Игорь умер и оказалось, что по завещанию квартира его отписана Наталье, она растерялась в первый момент. Не ожидала. Игорь ни словом не обмолвился об этом, хотя она ведь разговаривала с ним, пусть не часто, предпочитая узнавать о его состоянии у домработницы, сиделки или медсестры, но все-таки раз в пару недель звонила обязательно. С вопросами наследования она была знакома весьма слабо и плохо представляла себе, что теперь нужно делать, какие бумаги подписывать, и вообще сомневалась, не афера ли это какая-то и не липовый ли нотариус. Мужу решила ничего не говорить, пока не выяснит все точно. И обратилась к тем, кого когда-то знала, пока еще была женой Выходцева. Кто-то из них уже не служил в полиции, но нашлись и действующие офицеры, разузнали, подсказали, помогли. Попутно накопили что-то на девушку, работавшую помощником того нотариуса, раскрутили, вскрыли целую преступную схему. С завещанием Игоря все оказалось в полном порядке, и через шесть месяцев Наталья получила документы о собственности на его квартиру, но оперативники несколько раз беседовали с ней и даже один раз к следователю вызывали.

С того времени двое сослуживцев Игоря, те самые, которые помогали, периодически звонили ей, а бывало, и приходили. Выражали сочувствие, благодарили за то, что материально поддерживала бывшего мужа до по-

следнего дня. Наталья не очень-то понимала, зачем они вообще приходят, ей казалось, что подобная сентиментальность несвойственна современным полицейским, особенно учитывая тот факт, что умирающего Выходцева коллеги просто бросили на произвол судьбы, но считала для себя необходимым быть любезной и гостеприимной с людьми, которые отозвались на ее просьбу о помощи, хотя и не общались с ней несколько лет.

— К вам постоянно приходят только эти двое полицейских или другие тоже? — спросил Дзюба.

«С языка снял, — с одобрением подумал Сергей Кузьмич. — Я бы тоже об этом спросил. Конечно, можно подумать, что тех двоих совесть замучила, чувство вины, вот они и ходят, но за годы работы в среде полицейских я стал циником и пессимистом, в добрые чувства верить разучился. Нет у них никакой совести, и никакой вины они не испытывают».

— Другие тоже бывали пару раз, — ответила Наталья. — Это дело с нотариусами долгое, так они мне объяснили, поэтому приходится задавать всякие вопросы, я ведь много раз бывала у них в конторе и с той помощницей много общалась, вот опера и выспрашивают разные мелочи и подробности. А разве важно, кто ко мне приходил из полиции?

— Конечно, — уверенно кивнул Роман. — Если им небезразличен Игорь Андреевич, то может оказаться, что они общались с ним в последний период жизни и разделяли его научные интересы. Стало быть, вполне могли и материалы позаимствовать. Имена и телефоны тех полицейских, которые с вами контактировали, у вас есть?

— Есть, разумеется.

— Припомните, Наталья, какие вопросы они вам задавали, чем интересовались. Может быть, предлагали помощь в разборке вещей, когда нужно было освобождать квартиру?

— Да нет, ничего такого. Обычные разговоры: как семья, как дочка, как муж, не жалеет ли он, что столько денег потратил на лечение Игоря, не испортились ли у нас отношения из-за этого. В общем-то, обычный обмен репликами при необязательной встрече, когда нужно просто отбыть номер. Вы не думайте, я не оболющаюсь на этот счет. Хоть они и говорили, что Игоря на службе очень любили и уважали и все его помнят, но этим словам грош цена, если честно. Я Игоря хорошо знала и понимала, что человек он крайне тяжелый, а работник — так себе, средний, ничего выдающегося. Мне казалось...

Она замялась, на скулах проступили заметные красные пятна.

— Да? — негромко произнес Дзюба.

«Давай-давай, — мысленно подстегнул ее Зарубин. — Мне-то уже давно кажется. Ровно с той секунды, как ты рассказала, где твой муженек бабки заколачивает. Вот интересно, нам с Ромкой правильно кажется или нет?»

— Они про мужа много спрашивали, про его компанию. И я подумала, что... Ну, что они собираются уйти из полиции, сменить работу. Бывшие полицейские обычно очень хорошо зарабатывают, если устраиваются в службу безопасности крупной компании. Если мой муж давал деньги на лечение Игоря, это

определенным образом характеризует наши с ним отношения, понимаете?

— Понимаю. Вы полагаете, они рассчитывают на то, что вы можете дать им рекомендацию или как-то еще поспособствовать?

— Ну да. А вы думаете, что дело не в моем муже, а в научной работе Игоря? — с тревогой спросила Наталья.

— Не исключено, — неопределенно ответил Дзюба. — В любом случае мы должны все выяснить и все проверить.

— Как-то странно это, — недоверчиво проговорила она. — Игорь никогда не интересовался наукой. Поверить не могу, что он придумал что-то невероятно ценное, такое, на что кто-то позарился. Он и книг-то не читал, ни художественных, ни документальных, ни тем более научных. Подозреваю, что вы меня обманываете.

В этот момент из соседней комнаты раздался звонкий крик девочки:

— Мам! Я уже нарисовала дом с забором! Можно я в дресс-ап поиграю?

— Нарисуй перед домом будку с собакой, потом решим! — крикнула в ответ Наталья.

— Ну мам! А в феску можно?

— Сначала собаку. И не спорь, — громко и твердо сказала мать.

— Дресс-ап знаю, в нее дочка соседней играет, а феска — это что? — с улыбкой спросил Дзюба.

— Фейс-пейнт.

— А, понял. Так вот, чтобы вы не сомневались насчет научной работы Игоря Андреевича, я вам кое-что покажу.

Он достал айфон и принялся тыкать пальцем в экран.

— Вот эта статья вышла еще при жизни Игоря Андреевича, в начале восемнадцатого года. Один из соавторов — очень известный ученый, криминолог, Стеклова Светлана Валентиновна. Вам это имя ничего не говорит?

Наталья с любопытством взглянула, пробежала глазами пару строк и удрученно вздохнула.

— Я и не подозревала, что все так серьезно. Статья... Профессор... Погодите-ка, — она снова наморщила лоб, — Стеклова... Стеклова... Кажется, сиделка мне говорила, что к Игорю приезжала один раз какая-то пожилая дама, и Игорь называл ее профессором. Надо же, если бы вы не назвали это имя, я бы и не вспомнила тот разговор.

«Пора заканчивать, — подумал Зарубин, посмотрев на часы. — Сидим здесь уже черт знает сколько времени. Ничего нового больше не узнаем, вся информация пошла по второму кругу».

Они горячо и проникновенно поблагодарили бывшую жену Игоря Выходцева, переписали все данные домработниц, сиделок и медсестры Инги, а также тех полицейских, которые звонили и приходили к Наталье, и ушли.

Каменская

Двадцать минут, проведенные в компании с Чистяковым за чашкой кофе, вроде бы сгладили неприятное послевкусие от встречи с майором Паюшиным из Управления собственной безопасности. Алексей

живо интересовался, как прошла лекция, и Насте даже удалось сделать свой рассказ достаточно смешным.

Они вышли из кафе, и Настя решила проводить мужа до дома редактора, прогуляться, а потом уж возвращаться к своей машине, припаркованной в противоположной от кафе стороне, на платной стоянке.

— Принимаю заказы на ужин, — сказала она, — выкопала в Интернете два новых рецепта из серии «дешево и сердито». Один с бурым рисом, другой с перловкой. Что выбираешь?

— Давай перловку, я ее в последний раз ел на военных сборах, еще когда в институте учился. Там каждый день по два раза перловку давали, то в виде каши, то в виде гарнира.

— Вот не ври! — возмутилась Настя. — А в рассольнике?! Я же только на прошлой неделе его варила, и ты, между прочим, хвалил. Можно подумать, за всю жизнь после института рассольник ни разу не ел!

— Точно! Про рассольник я и забыл. Но в супе крупы мало, а вот в чистом виде любопытно вспомнить, как оно звучит. Я все жду, когда тебе надоест и ты пощады попросишь, — засмеялся Чистяков. — Просишь?

Настя мотнула головой.

— Не-а.

— Упорная, что ли? Или упрямая?

— Ни то, ни другое. Мне правда интересно, Леш. И потом, мы же договорились: пока я не зарабатываю в агентстве, мы пытаемся жить экономно, и мой вклад — готовка из дешевых продуктов.

— Ну смотри. Если что — я всегда открыт для переговоров.

Проводив мужа, Настя вернулась к машине, изо всех сил стараясь не вспоминать о Паюшине. Ситуация ей не нравилась, но Каменская знала по опыту: нужно отвлечься на какое-то время, забыть, думать о другом, чтобы потом взглянуть на картину свежими глазами. Она оплатила парковку с телефона, завела двигатель и включила аудиокнигу.

Добравшись до своего района, остановилась у магазина и отправилась за ингредиентами для блюда из перловки. Овощи нужны самые простые — лук и морковь, травы и приправы дома есть в широком ассортименте, а вот соус терияки закончился, нужно купить, и упаковку индюшачьих грудок прихватить. Небольшая часть, мелко нарезанная, вымоченная в маринаде и обжаренная, пойдет с перловкой, как указано в рецепте, остальное — завтра на котлеты. Хорошо, что в Интернете так много форумов, где люди делятся домашними рецептами и кулинарными секретами!

Раз уж она в магазине, то имеет смысл купить продукты для завтраков дня на три вперед. Ой, а вот какая-то бакалея по акции, макаронные изделия со скидкой, надо брать. И гречка, самая дешевая, с этикеткой «три по цене двух». Такая гречка, Настя знала, разваривается в невнятную кашу, но есть хитрые способы сделать ее более чем приемлемой если уж не для гарнира, то, по крайней мере, для самостоятельного блюда. Способы эти Настя вычитала все на тех же форумах, попробовала применить и осталась вполне довольна результатом. Конечно, с этими покупками впрок придется выйти из недельного финансового лимита, но зато выйдет экономия на две-три следующие недели, и, таким об-

разом, рамки месячного бюджета нарушены не будут. При всей своей неспособности вести быт, при полном отсутствии хозяйственного рвения и неумении готовить считала Анастасия Каменская все-таки очень хорошо. Если по молодости лет она ухитрялась покупать массу ненужных продуктов, без которых можно было бы прекрасно обойтись, то за последние годы, после выхода в отставку, взяла себя в руки, начала осваивать самые элементарные навыки приготовления пищи и довольно быстро запомнила, на сколько порций хватает упаковки макарон или крупы и на сколько дней хватает пачки сливочного масла или бутылки растительного. «Поваря никакой, — говорила она Чистякову, — зато экономка отличная. Такой талант пропадает!»

Дома Настя подточила нож для мяса, старательно настрогала грудку индейки тонюсенькими полосками, залила маринадом, сделала себе кофе и уселась за кухонный стол лицом к окну. Вот теперь можно и подумать о майоре Паюшине.

За Зарубиным выставили ноги. Вполне возможно, и уши приделали. Просто так? Смешно! При раскрытии даже тяжких преступлений наружку и прослушку на счет «и» не выразишь, стандартные ответы: «нет свободных экипажей», «нет свободных каналов». Людские ресурсы у МВД безграничны, равно как и технические возможности. Если бы все происходило в рамках регулярной рутинной проверки оперсостава, то человек из СБ не полез бы к Каменской с разговорами. Стало быть, речь идет не о рутине, а о разработке. Как же могло получиться, что в рамках этой оперативной разработки, в которой задействованы и наружное на-

блюдение, и прослушивание телефонных переговоров, на сцену выпустили такого неумелого сотрудника, как Паюшин? Да быть такого не может! Во всяком случае, не должно. Хотя в нынешней ситуации, конечно, может быть все, что угодно, даже такое, что в бреду не привидится. Следователи, не знающие уголовного права, — на каждом шагу. Оперативники, которые ничего не умеют, — не реже.

Итак, получаются два варианта. Первый, он же самый простой: разработка Зарубина такая же неумелая, как майор Паюшин. Кто и зачем ее затеял — второй вопрос. Может, идет война за место начальника отдела, которое временно занял Серега. Тогда ситуация лично ему ничем не угрожает, поскольку он на это место и не рвется. Спит и видит, как бы поскорее вернуться в свое уютное креслице зама. Второй вариант намного хуже: разработка серьезная и тонкая, и тупой Паюшин — ее неотъемлемая часть. Необходимый элемент. И это, скорее всего, означает, что игра идет не против Зарубина, а против Константина Георгиевича Большакова. Им нужно, чтобы полковник в отставке Каменская непременно позвонила Зарубину и нервно рассказала о беседе, состоявшейся в кафе. Ну ладно, раз им надо — она позвонит, ей не трудно. Хотят, чтобы было нервно? Будет. Не вопрос.

Зарубин

— Имхо, фигня это все про преступную схему с нотариальной конторой, — заявил Дзюба, усевшись в машину. — То есть какое-то дельце, конечно, было, раз Наталью к следаку дергали, но не такое длинное

и сложное, чтобы его больше года разматывать. Сто пудов, вся эта шобла подходы к мужу искала. Транспортно-логистическая компания — лакомый кусок, им источники нужны, и жена, у которой такие доверительные отношения с топ-менеджером, — самое оно. Скажешь, нет?

— Скажу «да», — отозвался Зарубин.

Все правильно им с Ромкой показалось. Не в том дело, что опера присматривали себе новое место работы, а в том, что пытались завербовать Наталью. Компания, в которой исправно и давно трудился ее второй супруг, слишком часто мелькала в делах и о наркотрафике, и о контрабанде. Действительно, лакомый кусок.

— Ты хоть понимаешь, Ромка, как мы все попали? — грустно спросил Сергей Кузьмич.

— Понимаю. Чего делать будем? Пойдешь Большому докладывать?

— А что, есть варианты? — безнадежно ответил вопросом на вопрос Зарубин.

Вариантов не было. Судя по тому, что рассказала Наталья, друзей-приятелей из гражданской среды у покойного Выходцева не осталось уже задолго до смерти. Стало быть, если он с кем и делился своими идеями насчет справедливости и отдаленных последствий, то только с коллегами. Мог кто-то из них настолько проникнуться этими идеями, что возомнил себя учеником и продолжателем? Вполне мог. А могло этих учеников-продолжателей быть двое или больше? Ну, больше-то — вряд ли, а вот двое — уже реально. Владение приемами, свидетельствующее о специальной